

УДК 821.111

ОБРАЗ ДЗЕРЖИНСКОГО В РОМАНЕ СОМЕРСЕТА МОЭМА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ»

© М.И.Никола, Е.А.Петрушова

Статья посвящена рассмотрению образа Дзержинского в романе Уильяма Сомерсета Моэма (William Somerset Maugham, 1874-1965) «Рождественские каникулы» («Christmas holiday», 1939). Моэм видел в Дзержинском незаурядного человека, достойного восхищения и почитания, Рыцаря революции, который оказался в нужное время в нужном месте. В герое романа Саймоне, фанатично следующем примеру Дзержинского как своего идола, Моэм, однако, выразил размышления об опасности уподобления русскому революционеру, поскольку для Саймона подражание Дзержинскому служит скорее средством удовлетворения личных амбиций.

Ключевые слова: С.Моэм, роман «Рождественские каникулы», образ Дзержинского, русская революция, опасное проявление нигилизма.

Образ Ф.Э.Дзержинского в европейском культурном пространстве приобрел легендарную известность. Уже при жизни и особенно после смерти Дзержинского в 1926 году его имя стало обрастать образными ассоциациями: «горение», «рыцарь революции» (И.Сталин), «душевная чистота и твердость» (М.Горький), «Железный Феликс», «чистые руки, горячее сердце, холодная голова», «пламенный революционер». Постепенно эти ассоциации сформировали само ядро «единицы исторической памяти» – Дзержинского [1: 82].

В итоге Дзержинский стал одной из символических фигур XX века, воплощением сурового духа русской революции и в то же время революционного террора. Личности Дзержинского посвящены как книги мемуаров, воспоминаний, произведения политического и историко-философского характера, так и произведения художественной литературы. В отечественной словесности это поэма А.И.Безыменского «Феликс» (1926), поэма С.Г.Сорина «Товарищ Дзержинский» (1957), повесть Ю.М.Королькова «Феликс – значит счастливый...» (1974), роман Юлиана Семенова «Горение» (1977-1987) и др. В западноевропейской литературе в отношении интерпретации этого образа интерес представляет роман Уильяма Сомерсета Моэма (1874-1965), в котором Дзержинский занимает важное место в системе персонажей.

Увлечение Сомерсета Моэма русской темой заметно проявилось в наследии писателя. Моэм был серьезно и глубоко поглощен изучением русской культуры, истории, русского языка, размышлял о русской ментальности. Этому во многом способствовала его служба в России в качестве агента британской разведки.

В 1917 году Моэма направили с секретной миссией в Петроград. Главной целью поездки

было препятствовать приходу большевиков к власти и не допустить выхода России из войны. Совершенно не сожалея о своем фиаско в отношении возложенной миссии, подтрунивая впоследствии над участью провалившегося агента, Моэм с благодарностью вспоминал свое «русское приключение». Он стал свидетелем исторического переворота в России. Увидев события своими глазами, писатель впоследствии продолжал размышлять об исторической судьбе России, о прошедшей революции, пытался понять харизматичную натуру ряда выдающихся русских революционеров. Их он нередко противопоставлял членам Временного правительства. Так, к примеру, встречи и общение с министром Временного правительства А.Ф.Керенским глубоко разочаровали Моэма. Русский премьер произвел на него впечатление незначительного и нерешительного человека. Из политических деятелей России, с которыми ему довелось беседовать, он выделил Б.В.Савинкова, революционера, лидера партии эсеров, – как личность крупную, незаурядную. Однако больше всего Моэма поразила фигура Ф.Э.Дзержинского, основателя ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Если о других политических деятелях писатель оставил всего несколько главок в своих записных книжках, то образ Дзержинского продолжал занимать писателя и стал одним из ключевых в романе Моэма «Рождественские каникулы». Правда, по этой причине указанный роман Моэма до наступления периода перестройки и гласности не переводился и не печатался в России и относится к кругу «возвращенной литературы».

В романе «Рождественские каникулы» в художественной форме отражены размышления автора об исторической судьбе России, русской ре-

волюции, переросшей в гражданскую войну, трагедии русской эмиграции, отзвуке российских событий в Европе. Роман «Рождественские каникулы» раскрывает взгляд писателя на этнические различия между русскими и англичанами, выраженные во взаимоотношениях двух главных персонажей – англичанина Чарли и русской героини – Лидии, воплощающей по замыслу автора характерные свойства «русской души». История героини – трагическая история судьбы «маленького человека», ввергнутого в пучину масштабного исторического переворота, утратившего родину, а судьба самой России представлена в значительной мере предопределенной волей и устремлениями ее политических вождей. Подобный угол зрения и мотивирует особое внимание к образу революционного лидера, нашедшему в романе воплощение в образе Дзержинского.

Сомерсет Моэм не сделал Феликса Эдмундовича действующим героем своего романа. Лишь единожды в тексте упоминается, что русский эмигрант в Париже, Алексей, адвокат по профессии, защищал Дзержинского на одном процессе, однако это не помешало Железному Феликсу арестовать его как контрреволюционера и сослать на три года в Александровск. Уже одно это упоминание отчетливо характеризует героя как принципиального и бескомпромиссного деятеля, неуклонно следующего своим убеждениям. Образ Дзержинского, включающий действие романа в конкретное историческое временное пространство, символизирующий изображаемую эпоху, в романе складывается преимущественно из рассказов и суждений других «действующих» персонажей. Так, Дзержинский становится духовным кумиром для англичанина Саймона Фенимора. Исключительность самого Саймона проявилась уже в юности: все вокруг поражались его начитанности, ясности ума и той решительности, с которой тот, будучи еще юнцом, выражал свои суждения. Ему, человеку незаурядному, пророчили блестящее будущее.

Между тем, абсолютно одинокий, рано оставшийся без родителей, Саймон сам пробивал себе дорогу в жизнь. Уже в школе он проявлял активное рвение к участию в политических дискуссиях, спорах, отстаивал социалистические убеждения, а в Кембридже стал коммунистом. Придя к убеждению, что учеба в Кембридже, в этом «провинциальном кладбище», – пустая трата времени, Саймон устраивается в лондонскую газету. Он стремится к постижению людей и законов жизни. Что же касается процесса самоопределения и самовоспитания, герой жаждет обрести важнейшее, по его мнению, качество – несокрушимую силу воли. Ведь именно она понадобится, когда произойдет

революция в Англии, о которой молодой герой мечтает, чтобы сыграть ту роль, которая выпала в России на долю Дзержинского.

Познакомившись с определенным корпусом исторических текстов, посвященных личности Дзержинского, Моэм в романе представляет этот образ неоднозначным, противоречивым, при этом в значительной мере мистифицируя эту историческую личность. С явным восхищением он подчеркивает в Железном Феликсе магическую силу воздействия на окружающих, называет его «истинным хозяином России», у которого была неограниченная власть над жизнью и смертью всего населения. Именно чувство безграничной власти, которым обладал Дзержинский, так манит Саймона и заставляет увлечься идеей революции. Он убежден на примере Дзержинского, что лидер революции – хозяин государства.

Хотя Сомерсет Моэм подчеркивает способность Дзержинского управлять судьбами миллионов, прежде всего истоки этой способности он видит в умении Железного Феликса управлять собой. Изучая личность своего кумира, Саймон пытается взрастить в себе главные лидерские качества Дзержинского. Он хочет добиться несокрушимости воли, выковать себя самому так, как железной дисциплиной выковывали послушника в ордене иезуитов. На пути к цели герой стремится стать выше человеческих привязанностей и страстей, которые сковывают его в преддверии великой карьеры. Так Саймон понимает преуспеяние и личную Свободу.

В своем кумире Саймон видит не только силу воли, но и слова и работает над своими ораторскими способностями, поскольку уверен, что скоро он добьется желаемого, и это потребует как в Англии, так и во Франции. Рассуждая о качествах агитатора, Саймон при этом замечает, что и Керенский обладал умом и красноречием, но ему удачи это не принесло, ведь самое главное – выковать характер.

Дзержинский в романе – харизматичная, сильная личность, обладающая даром вести за собой массы. Писатель даже окружает его ореолом некой святости и неприкосновенности. Как утверждает исследователь Дж.Федор, жизнь Дзержинского часто уподобляли житию *святого мученика*, и *аскетизм* был главной чертой его культа [2: 125]. Даже внешность героя романа, отражающая твердость и силу характера, напоминала православного святого: он был невероятно худой, высокий, с правильными чертами лица, которые отражали, однако, хладнокровие и сухость. Моэм характеризует Дзержинского как настоящего аскета – свое жизненное пространство революционный лидер ограничил крохотной

комнаткой, в которой были только письменный стол, старая ширма и железная койка. В голодный год, когда подчиненные вместо конины приносили ему картошку, жаренную на сале, Дзержинский отсылал ее обратно и предпочитал есть то, что давали обычным сотрудникам ЧК.

В Дзержинском Моэм подчеркивает нечто сверхчеловеческое. В его жизни существовала единственная цель – победа революции, и он неотступно к ней стремился. В этой целеустремленности был секрет его необъяснимой силы. Он не разрешал себе с душой отдаться какой-то мимолетной радости. Существовала только работа в ЧК, которой Железный Феликс отдавал себя дни и ночи.

В то же время Моэм показал, что фанатизм Дзержинского не мог не оборачиваться *жесткостью*. Он имел как бы две ипостаси: мог быть сострадающим, к примеру, в отношении представителей социальных низов, и в то же время жестоким и внушающим страх в отношении тех, кого считал врагом революции. Как известно, это единство полярных противоположностей было отмечено в культе Дзержинского с самого начала, а метафора «лед и пламя» часто использовалась по отношению к нему [2: 145].

«Не было в нем ничего человеческого, ни жалости, ни любви, только фанатизм да ненависть. Ужасен он был и неумолим», – так говорят о Дзержинском пострадавшие от революции герои-эмигранты в романе Моэма [3: 193]. Несколько раз в тексте Моэм дает их устами характеристику Дзержинскому как «зловещей, страшной личности» [3: 190]. Упоминается, что собственной рукой Дзержинский подписал сотни тысяч смертных приговоров, не давая воли ни любви, ни ненависти. Но именно такой человек, по мысли писателя, нужен был для спасения революции в России. Дзержинский, вышедший из благородного сословия, был культурным, начитанным человеком, но превыше всего для него была революционная необходимость. Ленин и большевики совершили революцию, но без Железного Феликса, бесспорно, ее подавили бы уже в первый год. Дзержинский обратился с просьбой поставить его во главе ВЧК, поскольку понимал, что спасти революцию может только орудие подавления ее врагов, и организация действовала с точностью отлично отлаженного механизма.

Этот человек в изображении Моэма отличался невероятной работоспособностью. Ночи напролет лично допрашивал подозреваемых. Считалось, что он мастерски проникал в сознание человека, и утаить что-либо от него было невозможно. Дзержинский изобрел систему заложников. Ни одна революция не создала системы, ко-

торая бы так успешно поддерживала порядок. При этом уже спартанский образ жизни Дзержинского лишней раз подтверждал, что лично для себя ему ничего не было нужно. Его необыкновенная сила воли была вся направлена на служение революции.

Так Дзержинский стал одним из самых могущественных людей России в изображении Моэма. Народ боготворил и бурно приветствовал Ленина, но правил народом Дзержинский. В этом человеке Моэм видел средоточие духовной цельности, одержимости идеей, которые выражались в *действии*.

Писатель подчеркивал в Дзержинском некую *мистическую* силу, *сверхъестественную* ауру, которая его окружала. Само имя Дзержинского оказывало «почти магическое действие». Самой поразительной в нем была сила взгляда: он мог бесконечно долго смотреть на человека, не отводя глаз, и эти остановившиеся глаза с расширенными зрачками вселяли ужас и действовали подавляюще, заставляя повиноваться. Как несравненный психолог, он интуитивно чувствовал ложь, словно видел души людей.

В своем герое Фениморе Саймоне, самонадеянном молодым человеком с задатками лидера, Моэм воплотил размышления об искаженном подобии русскому революционеру. Саймон, опираясь на пример своего идола, Дзержинского, прикрываясь великой идеей грядущего переворота, моделирует деятельность в будущей революции как средство достижения личных целей. Заметно, что герой хочет проверить себя, подобно Родиону Раскольникову, кто он: тварь дрожащая или право имеет? Именно поэтому он стремится к власти как к инструменту, позволяющему удовлетворить свой «творческий инстинкт» и употребить способности, которыми его одарила природа.

В создании образа Саймона в «Рождественских каникулах», безусловно, ощущается влияние романов Достоевского, прежде всего «Бесов», где тема своеволия личности, ее *извращенного* представления об идее бунта получила яркое художественное воплощение. По замечанию исследователя Р.Р.Хуснуллиной, Саймон – застигнутый в пути и окруженный «бесовской» метелью «рационалист» 1930-х годов – предстает как «бес», сбивающий с истинного пути тех, кто его окружает [4: 231].

В развитии образа Саймона особенно очевидна его близость к образу Петра Верховенского из романа Достоевского «Бесы». Саймон воплощает «нечаевщину», в проявлении которой писатель увидел *опасное проявление нигилизма*. Сомерсет Моэм вскрывает социально-психологические

«корни» «верховенщины». Ущербность в детстве, сиротство, аскетизм, зависть к тем, кто живет полной жизнью, обернулись комплексом неполноценности и перешли в непомерное властолюбие. Если в Дзержинском Моэм видел незаурядного человека, который при всей его жестокости, неумолимости и благодаря этим качествам смог направить стихию революции в определенное русло, то в фигуре Саймона, этом «тихом» теоретике, пока еще не реализовавшем своих планов, писатель замечает определенную опасность. В романе Саймон уже проявляет жестокость и бездушие в относительно ограниченном мире близких ему людей, но легко представить опасность его жестокости при обретении власти и увеличении масштаба действий. Противопоставление Великого Феликса с его магической притягательностью неприятной фигуре Саймона заметно даже в портретных описаниях: внешность Саймона (в отличие от портрета Дзержинского) совсем непривлекательна, свидетельствует об ущербности, некоей болезненности и темных мыслях этого человека: «Одет убого... Длинное лицо похудело и побледнело.. Глаза ни минуты не были в покое. Холодные, блестящие, пытливые, подозрительные. Рот большой, насмешливый и мелкие неровные зубы, напоминающие какого-нибудь мелкого хищного зверька. Со своим острым подбородком и выдающимися скулами он отнюдь не хорош собой, но лицо такое нервное, такое странно тревожное, что невольно привлечет внимание любого встречного... Тревожное чувство вызвала его улыбка, в ней не было веселья, она походила скорее на язвительную гримасу, а когда он смеялся, лицо страдальчески искажалось, словно от острой боли. Голос был высокий и, казалось, не вполне ему подчинялся, а в минуты волнения нередко становился визгливым» [3: 34]. Читатель может заметить в этом портрете некоторые черты сходства героя Моэма с героем Тургенева Базаровым и с Петром Верховенским Достоевского.

Один из главных героев «Рождественских каникул», англичанин Чарли, слушая чудовищные и возмутительные речи друга своего детства Саймона, чувствовал что-то *болезненное* в его словах. Исследователь В.Скороденко называет героя Моэма среднеевропейским гибридом Петра Верховенского с Дзержинским [5: 17]. Саймон в своих рассуждениях приходит к утверждению *диктатуры* и *террора* как неперемненных условий существования сильного государства. Герой понимает, что до агитатора ему еще расти и расти, поэтому он готов стать главой аппарата подавления, организующего террор в общегосударственном масштабе.

Вспомним Петра Верховенского, не скрывающего, что его цель – личная власть, также на-

правленная на реализацию иерархии, в которой каждый находится в подчинении у более могущественной силы. Упор в этой теории делается на тех, кто утратил веру в жизнь, в возможность самому принять решение.

В романе Моэма, написанном перед войной, появляется новый акцент, связывающий действие романа с современностью. Писатель проследживает психологию человека, вынашивающего преступные помыслы в историческом масштабе.

Как считает В.Скороденко, Моэм не был блестящим политологом, но человеческую натуру знал очень хорошо [5: 19]. Это, вероятно, и помогло ему на примере Фенимора Саймона показать, какую уродливую форму способно принимать в человеке с сильнейшим властолюбием сочетание «ультрареволюционной левизны», доктрины террора и откровенно циничной «здоровой политики». Важен и тот факт, что Сомерсет Моэм имел перед глазами наглядный пример, как казалось, успешного функционирования диктатур, сложившихся в Германии и в Советском Союзе. Писатель в образе Саймона Фенимора показал, как можно извратить великие идеи эпохи, руководствуясь личными целями, подмять их под свои меркантильные интересы. Ведь в этих «революционерах» нет никакого созидательного зерна, они не хотят благих изменений, лишь жаждут проверить себя и свои способности.

Таким образом, в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» образ Дзержинского предстает амбивалентным. Этот человек соединяет в себе противоположные начала: с одной стороны, он мог быть добрым и сердечным, если это не противоречило революционной необходимости, с другой стороны – жестким и бескомпромиссным, если революционная ситуация это диктовала. Внутренние же страдания или метания героя у Моэма отсутствуют, Дзержинский окружен ореолом мистической силы и аурой тайны.

Однако Дзержинский в романе и символ России, расколотой революцией. В «Рождественских каникулах» Сомерсет Моэм показывает, что революция разрушила традиции и уклад русского народа, превратила страну в средоточие бесправия, насилия, разбоя, заставила многих людей эмигрировать за пределы родины и пытаться жить на чужбине. Но, в конечном счете, Сомерсет Моэм воспринял революцию в России как неизбежное историческое событие. Он отмечал дух справедливости, поднявший народ на Октябрьскую революцию, и принял послеоктябрьскую действительность как *историческую данность* – неоспоримую, необратимую и утверждающую собственные идеалы, о чем Моэм пи-

сал позднее в своей книге очерков «Подводя итоги» [6: 215]. К фигуре Дзержинского, несмотря на всю ее неоднозначность, в свете своей оценки русской революции Сомерсет Моэм относится с восхищением, даже преклонением, хотя и с известным страхом. Этот человек, по мысли писателя, оказался в нужном месте в нужное время, именно он сыграл важнейшую роль в исторической судьбе России в период великого исторического переворота.

1. *Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 224 с.

2. *Федор Дж.* Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.
3. *Моэм У.С.* Рождественские каникулы. Малый уголок. На китайской ширме – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 672 с.
4. *Хуснулина Р.Р.* Английский роман XX века: Диалог с Ф.М.Достоевским: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 300 с.
5. *Скороденко В.А.* Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества // У.Сомерсет Моэм. Искусство слова. О себе и других. Литературные очерки и портреты. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 3 – 22.
6. *Моэм У.С.* Подводя итоги. – М.: АСТ Москва, 2007. – 357 с.

THE IMAGE OF DZERZHINSKY IN THE NOVEL «CHRISTMAS HOLIDAY» BY WILLIAM SOMERSET MAUGHAM

M.I.Nikola, E.A.Petrushova

The article analyzes the image of Dzerzhinsky in the novel “Christmas Holiday” (1939) by William Somerset Maugham (1874 – 1965). In Dzerzhinsky Maugham saw an admirable genius, the Knight of the Revolution, who was in the right place at the right time. Maugham filled the character of Simon, who was the fan of Dzerzhinsky, with his own thoughts about dangerous manifestations of nihilism typical of a Russian revolutionary who uses the Revolution to achieve their own aims.

Key words: Maugham, novel “Christmas Holiday”, image of Dzerzhinsky, Russian Revolution, dangerous manifestations of nihilism.

1. *Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I.* Mezkul'turnaya kommunikaciya. Ot sistemnogo podxoda k sinergeticheskoj paradigme: uchebnoe posobie. – М.: Flinta: Nauka, 2007. – 224 s. (in Russian)
2. *Fedor Dzh.* Tradicii chekistov ot Lenina do Putina. Kul't gosudarstvennoj bezopasnosti. – SPb.: Piter, 2012. – 304 s. (in Russian)
3. *Moe'm U. S.* Rozhdestvenskie kanikuly. Malyj ugoлок. Na kitajskoj shirme – М.: AST:Astrel', 2011. – 672 s. (in Russian)

4. *Xusnulina P.P.* Anglijskij roman XX veka: Dialog s F.M.Dostoevskim: dis. ... d-ra filol. nauk. – М.: IMLI RAN, 2005. – 300 s. (in Russian)
5. *Skorodenko V.A.* Prakticheskaya e'stetika Uil'yama Somerseta Moe'ma, ili sekrety tvorchestva // U.Somerset Moe'm. Iskusstvo slova. O sebe i drugix. Literaturnye ocherki i portrety. – М.: Xudozhestvennaya literatura, 1989. – S. 3 – 22. (in Russian)
6. *Moe'm U.S.* Podvodya itogi. – М.: AST Moskva, 2007. – 357 s. (in Russian)

Никола Марина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной литературы филологического факультета Московского педагогического государственного университета.

119991, Россия, Москва, ул.Малая Пироговская, 1, стр.1.
E-mail: nikola7352@mail.ru

Nikola Marina Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of World Literature, Faculty of Philology, Moscow State Teachers' Training University.

Building 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia
E-mail: nikola7352@mail.ru

Петрушова Евгения Александровна – магистрант 1 курса филологического факультета Московского педагогического государственного университета.

119991, Россия, Москва, ул.Малая Пироговская, 1, стр.1.
E-mail: 27jenni270@mail.ru

Petrushova Evgenya Alexandrovna – first year Master’s student, Faculty of Philology, Moscow State Teachers’ Training University.

Building 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia
E-mail: 27jenni270@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2015